Глава 25 Сбор сокровищ

Человек ростом в девять футов, который стоял прямо напротив вас, смотрит полными любопытства глазами, особенно его зрачки все еще светло-голубые, что выглядит очень далеким и чистым. Эта картина заставила сердце Гуань Суй смягчиться. Семья Гуань была семьей литературных гигантов, а также образованной семьей. Они всегда придерживались принципа обучения без каких-либо различий. До тех пор, пока у них было сердце, которое было полно желания учиться и искать истину, они были готовы учить других, независимо от их статуса.

Поэтому, перед лицом этого грубого человека, которому было почти за тридцать, но который даже не мог говорить на мандаринском языке очень гладко, Гуань Суй также была готова обменяться с ним знаниями и даже поделиться всем, что она знала. Она задумчиво подняла брови, пытаясь найти самый простой способ выразить свое мнение.

Император Шэн Юань держал чайник и слегка наклонился, чтобы посмотреть. Его сосредоточенный взгляд, казалось, хотел проникнуть сквозь тонкую черную вуаль, для того чтобы увидеть истинное лицо красавицы. Цинь Линъюнь закашлялся первым, видя, что он не может вернуть разум его Величества, ему пришлось подмигнуть своей невестке.

Ли ши сказала с улыбкой: “Гуннар, не загораживай госпоже обзор, садись”.

“Благодарю госпожу”. Император Шэн Юань с достоинством отдал честь, а затем сдержанно сел и все еще беспокойно смотрел на Гуань Суй.

Гуань Суй подняла брови и сказала с улыбкой: “Гуннар, свет храма. Это хорошее имя, твои родители, должно быть, возлагают на тебя большие надежды.”

Цинь Линъюнь изобразила удивление, и даже император Шэн Юань на мгновение был ошеломлен. Спросил: “Вы знаете язык цзюли?”

“Моя бабушка - Цзо Динсян”. Гуань Суй вежливо ответила.

Император Шэн Юань внезапно сказал: “Если мы говорим о знающих людях, то никто в этом мире не может сравниться с историками”.

“Да, независимо от того, какая школа, какой великий человек, какая книга, пока они оставляют след в истории, все они будут похожи на перечисление семейных сокровищ”. Гуань Суй сердечно улыбнулась, ей явно понравились косвенные комплименты силача Цзюли в адрес ее бабушки. Она указала кончиками пальцев на тематическую доску внизу и продолжила: “Разве вы только что не спросили меня, почему сегодняшнее предложение является ложным предложением?”

“Да, я думаю, что человеческая природа должна быть злой. В противоположном случае, почему легко учиться плохим вещам, но трудно быть хорошим? Почему мы всегда должны использовать суровые наказания и законы, чтобы сдерживать поведение людей, и как только правовая система погрузится в хаос, социальная атмосфера также будет в хаосе”. Император Шэн Юань посмотрел на нее горящим взглядом. Он высоко оценил легалистичесткую мысль и, конечно же, также согласился с мнением о том, что “человеческая природа изначально злая”. Ему было любопытно, как ответит Гуань Суй.

Цинь Линъюнь тоже выглядел серьезным и торжественно ждал.

Гуань Суй беспокоилась, что Гуннар не поймет слишком глубокого мандаринского языка, именно поэтому она попросила у продавщицы несколько белых листов и набор из четырех сокровищниц и неторопливо разложила их.

Она взяла чистый лист бумаги и медленно сказала: “Люди ничего не понимают, когда они только родились, их мозг подобен этому чистому листу бумаги, совершенно пустому, это самая простая и безобидная вещь. В это время они не делали различия между хорошим и плохим, поэтому в человеческой природе нет ни добра, ни зла. В процессе взросления дети будут вступать в контакт с разными людьми и разным окружением, некоторые из них комфортны, некоторые зловещи, поэтому они окрашиваются в разные цвета и становятся самыми разными людьми. У хороших людей есть темные мысли, у злых людей есть светлые стороны, и большинство людей ни хорошие, ни плохие, просто где-то между ними. На самом деле, какова природа человеческих существ, Конфуций и Гаоцзы уже ответили.”

Говоря это, она нарисовала на двух листах бумаги и всего несколькими штрихами ярко нарисовала злого духа Ракшаса и улыбающееся лицо Бодхисаттвы. Как она и сказала, белая бумага есть белая бумага, и только потому, что она была нарисована человеком, она могла заставить людей чувствовать ненависть и радость.

Император Шэн Юань в трансе уставился на ее обнаженное нефритово-белое запястье и долго молчал. В конце концов Цинь Линъюнь не выдержал и спросил: "Разве вы не говорили, что человеческая природа не различает добро и зло, это просто чистый лист бумаги? Так зачем же делать пометки о человеческой природе?"

Гуань Суй отложила кисть, медленно высушила чернила и прошептала: “Конфуций сказал в “Книге обрядов”: "Еда и питье, мужчины и женщины (отношения) - это великие желания людей выжить", Гаоцзы также сказал: "Аппетит и похоть естественны’. Из этого видно, что человеческая природа не может существовать без этих двух слов “еда” и “секс”. Пища нужна для выживания, а секс - для размножения, которые являются самыми основными потребностями человеческих существ. Чтобы выжить, какими бы добрыми ни были люди, они будут совершать злые поступки, например, обменивать детей на еду, когда они очень голодны; Чтобы размножаться, даже самые порочные люди откажутся от надежды на жизнь и используют свою жизнь для защиты безопасности своих детей. Один ест своих детей, а другой жертвует своей жизнью, чтобы спасти своих детей. Выбор между великим злом и великим добром заключается в том, что первые более серьезно относятся к собственному выживанию, а вторые более серьезно относятся к воспроизводству своего клана. Можно видеть, что мотивация, которая действительно побуждает человека творить добро и зло, всегда не имеет себе равных. В мирном и процветающем мире, когда люди хорошо накормлены, тепло одеты и живут хорошо, естественно, есть много людей, которые совершают добрые дела; В разгар бушующей войны люди не знали, когда они ели в последний раз, и чтобы выжить, было много людей, которые сжигали и грабили, убегали в леса, чтобы стать бандитами. Цель легалиста и конфуцианца в том, чтобы обозначить человеческую природу как добрую и злую, состоит в том, чтобы приручить людей и научить их жить упорядоченно, не ставя под угрозу права других на жизнь. Легалисты используют суровые наказания, чтобы сдерживать других, а конфуцианцы используют широкую благожелательность, чтобы убедить их. Никто из них не может позволить себе накормить и одеть людей и позволить им жить в мире и довольстве. Разве вы не сказали бы, что будет гораздо легче научить их уважать закон и совершать добрые дела, когда им больше не придется беспокоиться о своей жизни?”

"да! Вы так правы!” Император Шэн Юань продолжал сжимать руки, его глубокие глаза были полны восхищения. Он никогда не думал, что Гуань Суй может перейти от сущности человеческой природы к причинам добра и зла, а от причин добра и зла - к способу управления

людьми. Ее разум был подобен небу, безграничному, далекому и широкому, заставлявшему людей всегда хотеть исследовать больше и узнавать больше.

Цинь Линъюнь на мгновение задумался, и его сердце наполнилось восхищением.

Гуань Суй указала на двух ученых, которые уже ссорились внизу, покачала головой и сказала: “Поэтому главный приоритет императора - быстро сделать жизнь людей стабильной и процветающей, и нанять этих ученых, какой смысл спорить весь день напролет”.

Цинь Линъюнь кашлянул, затем прищурился, чтобы взглянуть на выражение лица Его Величества. Ли Ши беспокойно потянула своего шурина за рукав, намекая, что он должен помочь выступить посредником в пользу госпожи маркиза Чжэнбэй. Хотя она не совсем поняла предыдущие слова, последние несколько предложений были глубоко трогательными. Да, если вы можете жить хорошей жизнью, кто хочет быть злым человеком? Если бы он не был загнан в тупик, ее шурин не сбежал бы на границу и не стал палачом Его Величества.

Император Шэн Юань не рассердился, но громко рассмеялся: “Госпожа тоже считает этих ученых надоедливыми? Император хочет пригласить талантливых людей со всего мира, чтобы они служили стране, реформировали налоги, распределяли землю, обучали армию, выбирали администраторов и так далее. Все это должны делать люди, хорошо разбирающиеся в данной области. У него только одна голова, нет трех голов и шести рук, поэтому он очень занят. Потакать и даже превозносить этих ученых - значит просто показать свое отношение”.

“Стоящее дерево южных ворот, тысяча золотых за кости”. Гуань Суй кивнула Старому Мастеру Гуань и отцу Гуань, которые сидели внизу, и нахально сказала: “Разве мои дедушка и отец не две самые ценные лошадиные кости?”

Император Шэн Юань был ошеломлен. Некоторое время он не знал, что ответить, но Гуань Суй уже встала и преклонила колени, чтобы попрощаться. Выслушав большую часть этого, она уже могла догадаться об исходе этой дискуссии. Когда люди только что обрели стабильную и мирную жизнь, они, естественно, предпочитают доктрину совершения добрых дел. С самого начала словесная битва, которую спровоцировал Сюй Гуанчжи, была выиграна в нужное время, в нужном месте и с нужными людьми, как он мог не победить?

Когда она подошла к лестнице, то вдруг что-то вспомнила и обернулась: “Гуннар очень хочет учиться. Когда он не на дежурстве, вы должны позволить ему читать больше”.

Цинь Линъюнь ответил с улыбкой: “Вам не нужно это объяснять. Обычно, когда было время, я просил его учиться и даже приглашал самого известного мастера учить его. К сожалению, он невзлюбил учителя за то, что тот был кислым ученым, который весь день пережевывал слова, отчего у него начинала болеть голова, когда он это слышал, и он убегал каждый раз, когда видел возможность.”

“Тогда дайте ему гибкого мастера или позвольте ему читать книги, которые ему нравятся, не обязательно нужен мастер”. Когда Гуань Суй спускалась по лестнице, она покачала головой и усмехнулась: “Такой старый и все еще прогуливает школу, совсем как мой пасынок”.

Ли ши была так напугана, что ее лицо побледнело, и она поспешно шагнула вперед, чтобы притвориться, что прогоняет ее, но на самом деле попыталась увести разговор в сторону. Наблюдая, как эти двое выходят из здания, Цинь Линъюнь прижал кулак к губам и расхохотался. Если бы однажды Гуань Суй узнала, что кислый ученый в его устах был Старым Мастером Гуань, не знаю, какое выражение лица она бы показала.

Император Шэн Юань стоял у перил и наблюдал, ожидая, пока карета особняка маркиза Чжэнбэя отъедет на некоторое расстояние, прежде чем убрать свое простое и честное выражение лица, сел за стол и приказал: “Подавайте вино”.

Охранник сразу же пошел к продавщице. Он взял два наброска и долго смотрел на них, затем аккуратно сложил их и положил в рукав, смысл его слов был неясен, затем сказал: “Как и следовало ожидать от внучки Гуань Цигуана, она хороший учитель, и учит, не глядя на фон, даже заботится о таком маленьком охраннике, как этот. - После паузы он спросил: - Как выглядит ее пасынок?

“Я слышал, что у него очень непослушный темперамент. В возрасте десяти лет он все еще ничего не понимает, и другие часто используют его в качестве стрелка. Разве несколько дней назад кто-то не приходил сообщить, что Шизи принца Чэна получил удар по голове и чуть не умер? Он сделал это. Другие хотели проверить его отношение к братьям, но сами не осмелились протянуть руку, поэтому вытолкнули его.” Цинь Линъюнь неохотно достал буддийские четки.

"ой? Чжао Лули это даже не волновало? Он был известен как мозговой центр в армии, как он мог так учить своего сына?” Император Шэн Юань был очень удивлен.

“Он думал о своей "покойной жене" весь день напролет, откуда у него взялся ум, чтобы дисциплинировать сына, а дети - это плоть и кровь, оставшиеся от его "покойной жены", он считал их своей жизнью и не желал пошевелить ни единым волоском. Возможность жениться на Гуань Суй - это все равно, что он подобрал сокровище. Какими бы непослушными ни были дети, Гуань Суй может очень хорошо их воспитать. Я слышал, что Чжао Лули, наконец, избил Чжао Ван Шу два дня назад, и теперь он сидит дома за учебой! Гуань Суй не похожа на Старого Мастера Гуаня, который не умеет быть гибким и всегда придерживается старых идей. Она чрезвычайно хороша в том, чтобы направлять других. Просто посмотрите, Чжао Ван Шу определенно сможет извлечь выгоду в будущем”. Слова заканчивались несколькими бусинами.

Император Шэн Юань кивнул с глубоким чувством, но по какой-то причине его очень беспокоила фраза “жениться на Гуань Суй - все равно что забрать сокровище”. После размышлений об этом это пустило корни и стало занозой в его сердце, из-за чего у него было очень плохое настроение.

Цинь Линъюнь не заметил его слегка мрачного выражения лица и продолжил: “Она сказала, что Старый Мастер Гуань и Гуань Юньци - две самые дорогие лошадиные кости. Этот разум, такое видение ситуации очень точно попали в точку. Если меня сравнить с ней, боюсь, я все еще недостаточно хорош”.

Император Шэн Юань никак не отреагировал на его слова, он некоторое время сидел со спокойным лицом, а потом вдруг встал и ушел, не заботясь об исходе этой дискуссии.

Примечание переводчика:

Дамы и господа, позвольте мне представить вам самого тупоголового из всех ведущих мужчин!

http://tl.rulate.ru/book/67090/2295077